

DOI 10.25991/VRHGA.2025.4.4.038

УДК 821.112.2+284.1

*А. И. Ковальчук**

МАРТИН ЛЮТЕР И РЕФОРМАЦИЯ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ ТОМАСА МАННА**

Статья является первой главой двухчастного исследования и посвящена образу Мартина Лютера и Реформации в раннем, «аполитичном» периоде творчества Томаса Манна (до 1922–1924 гг.). Этот вопрос остается практически не изученным в отечественной науке, несмотря на фундаментальную значимость фигуры реформатора для понимания манновской концепции немецкого духа. В художественных и публицистических произведениях писателя Лютер предстает ключевой фигурой, позволяющей раскрыть сущность Германии и ее место в мировой истории. Эволюция отношения Манна к Лютеру напрямую связана с изменением его политических взглядов и может быть разделена на два этапа. В ранний период, предшествующий поражению Германии в Первой мировой войне, писатель дает Лютеру преимущественно положительную оценку, что особенно явно прослеживается в «Размышлениях аполитичного», где реформатор становится символом немецкой самоуглубленности и духовного сопротивления западной цивилизации. Этот образ отражает антидемократические взгляды молодого Манна и его концепцию «протестной» немецкой культуры, противопоставленной европейскому рационализму. Второй этап, который условно можно обозначить как «от Лютера к Гитлеру», характеризуется переосмыслением наследия Реформации и акцентированием ее негативных аспектов.

* Ковальчук Алексей Игоревич — студент бакалавриата, научный сотрудник; alexkoyal1993@mail.ru; Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского, Российская Федерация, 191023, г. Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15, лит. А.

Aleksii I. Kovalchuk — undergraduate student, researcher; alexkoyal1993@mail.ru; The Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky, 15, Fontanka Embankment, Saint Petersburg, 191023, Russian Federation.

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–28–00319, <https://rscf.ru/project/25-28-00319/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 25–28–00319, <https://rscf.ru/en/project/25-28-00319/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

Ключевые слова: Томас Манн, Мартин Лютер, Реформация, немецкая национальная идея, аполитичность, протестантизм, лютеранство.

A. I. Kovalchuk

MARTIN LUTHER AND REFORMATION IN THE EARLY WORKS OF THOMAS MANN

The article is the first chapter of a two-part study and is devoted to the portrayal of Martin Luther and the Reformation in the early, “apolitical” period of Thomas Mann’s work (before 1922–1924). This issue remains virtually unexplored in Russian scholarship, despite the fundamental importance of the reformer to understanding Mann’s concept of the German spirit. In the writer’s artistic and journalistic works, Luther appears as a key figure, allowing one to reveal the essence of Germany and its place in world history. The evolution of Mann’s attitude toward Luther is directly related to the change in his political views and can be divided into two stages. In the early period preceding Germany’s defeat in World War I, the writer portrays Luther mostly in a positive light, which is especially evident in “Reflections of a Nonpolitical Man”, where the reformer becomes a symbol of German introspection and spiritual resistance to Western civilization. This image reflects the anti-democratic views of the young Mann and his concept of a “protest” German culture set against European rationalism. The second stage, which can be roughly described as “from Luther to Hitler”, is characterized by a rethinking of the Reformation’s legacy and an emphasis on its negative aspects.

Keywords: Thomas Mann, Martin Luther, Reformation, German national idea, apoliticism, protestantism, lutheranism.

Значимость фигуры Лютера для Томаса Манна

Томас Манн — это не только один из самых философских литераторов XX столетия, но и один из самых немецких по духу. Так, однажды, вынужденно находясь в эмиграции, он сказал: «Где я, там и Германия» [13, с. 257]. Пережив две мировые войны и экономический кризис между ними, писатель мыслил себя немцем, а свое творчество — *немецким*, какие бы коннотации эта характеристика нб приобретала в течение столь сложного исторического хода. Действительно, все главные события его отечества и восприятие их в немецком народе находят отражение в творчестве Томаса Манна.

Одна из важных тем, поднимаемых им как в художественных, так и в публицистических работах? — это вопрос о сущности Германии, о характерной особенности немецкого духа, о его духовном и историческом происхождении и значении для мировой истории. В этой рефлексии над внутренней и внешней жизнью немца писатель повсеместно обращался к главным деятелям немецкого народа. Среди них Гете, Ницше, Шопенгауэр, Дюрер, Вагнер, Бисмарк, Гитлер и, конечно, Мартин Лютер. Вполне закономерно, что литератор, размышляющий о сущности Германии, много внимания уделял периоду Реформации и фигуре знаменитого виттенбержца. Действительно, это поворотный момент в истории Германии, момент ее становления, как внешнего, политического, так и внутреннего, духовно-религиозного. Более того, Лютер — один из создателей немецкого языка, переводчик Библии. Он же и источник последующего разделения Германии на протестантов и католиков, сохранившегося до сих пор. Иными словами, Лютер — это судьбоносная фигура для немецкого народа. Как отмечает Манн в одном из своих поздних эссе, он — один из «трех мощных», наряду с Гёте и Бисмарком, в которых воплотился гений Германии [15, с. 332].

Хотя сводить немецкую Реформацию, а тем более Реформацию как европейское христианское движение, исключительно к деятельности Лютера ошибочно, тем не менее фигура Лютера — это символ Реформации, отчего и для Томаса Манна само событие и личность реформатора слились воедино.

О важности личности Мартина Лютера для немецкого писателя больше всего говорит тот факт, что в конце жизни Манн, работая над не законченным в итоге романом «Признания авантюриста Феликса Круля», собирался переключиться с него на новеллу* о Лютере и Эразме: «если дальше у меня не будет пороку, я начну писать степенно-образцовую историческую новеллу об Эразме, Лютере и Ульрихе фон Гуттене...» [13, с. 293]. В другом письме Манн раскрывает причины своего замысла:

«...повесть из времен Реформации была бы чистойшей новеллой характеров, духовно свободной, но пристрастной постольку, поскольку в смутах и противоречиях XVI века отразится так много наших противоречий и смут» [13, с. 305].

Пусть этому замыслу и не суждено было осуществиться, — как свидетельствует С. К. Апт, «к моменту смерти Томаса Манна не было написано ни одной строки очередного задуманного произведения», — тем не менее «от драмы “Свадьба Лютера” осталось <...> несколько десятков страниц подготовительных заметок к ней — выписок из книг, имен, дат”». Изображение свадьбы Лютера и Катарины фон Бора должно было проиллюстрировать значение Реформации и ее последствий для немецкого народа. Уже один только этот момент — желание автора на исходе своего творческого пути посвятить Лютеру свое произведение — указывает на значимость для него и для его творчества, а значит, и для немецкого народа в восприятии писателя, вопроса о Лютере. Как отмечает Кристоф Швобель (Christoph Schwöbel) [18, с. 62], возможно, это стоит понимать по-аристотелевски, согласно которому именно финал раскрывает основной смысл той или иной сущности, то есть исторически последнее оказывается логически первым. Однако помимо этого неосуществленного плана, к личности Лютера и начатой им Реформации писатель обращается во многих своих работах. К ним принадлежат сборник статей «Рассуждения аполитичного», романы «Волшебная гора» и «Доктор Фаустус», эссе и статьи, среди которых в этом отношении наиболее важны «Трое мощных», «Германия и немцы», а также многочисленные письма. О важности для Томаса Манна темы Реформации говорит и проходившая с декабря 2017 г. по январь 2018 г. в Дюссельдорфском университете имени Генриха Гейне выставка «Томас Манн и Лютер»***, по всей видимости приуроченная к юбилею Реформации. Эта тема поднимается и в ряде зарубежных статей [18; 19]. Однако в русскоязычном

* Сначала Томас Манн собирался написать новеллу, а затем изменил форму будущего произведения на пьесу, причины чего до конца не ясны.

** В этом источнике пьеса имеет название «Смерть Лютера», тогда как в биографии Томаса Манна Апта — «Свадьба Лютера» [3, с. 337]. Последнее правильное, что говорит об опечатке в издании «Письма».

*** См.: https://www.ulb.hhu.de/fileadmin/redaktion/ULB/Images/_Bibliothek/Ausstellung/bis_2019/PDF_Ausstellung_Mann-Luther.pdf

научном пространстве этот вопрос практически не исследован, отчего и обращение к этой теме представляется актуальным.

Периодизация творчества Манна относительно вопроса о Лютере

Прежде чем приступить к анализу манновского взгляда на Мартина Лютера, необходимо задаться вопросом, неизменен ли этот образ во всем творчестве писателя. Несмотря на то что Томас Манн обращался к фигуре Лютера постоянно, образ последнего чрезвычайно различен. Читатель как минимум схватывает две противоположные интерпретации Лютера и Реформации, каждая из которых характерна для строго определенного периода творчества писателя.

Хотя творческая биография писателя может быть разделена и на большее количество частей, главный перелом, произошедший с автором, — это переход от «аполитичности» к поддержке демократии, что совершилось после поражения Германии в Первой мировой войне. Так, 13 октября 1922 г.^{*} в Берлинском зале имени Бетховена писатель произнес речь «О немецкой республике», в которой сказал о том, что установленная Веймарская республика принимается им в качестве необходимой, и что для «аполитичной» Германии демократия является выходом из сложившегося кризиса: культура и политика не должны быть оторваны друг от друга. Эта речь несколько раз прерывалась недовольством публики, обвинявшей писателя в отречении от прежних взглядов. Однако позже Манн в письме Феликсу Берто от 1 марта 1923 г. отмечал, что обида на статью «О немецкой республике», где он пытался обрисовать свою идею «гуманности», несправедлива. Хотя в ней (статье) усмотрели «отход от немецкой идеи и противоречие “Размышлениям” <...>, внутренне она представляет собой прямое их продолжение» [13, с. 34]. Это не единичное свидетельство, противоречащее разделению творчества Манна на два периода. Так, с одной стороны, до 20х гг., писатель активно поддерживал немецкую борьбу против демократии, считая последнюю основной угрозой для Германии, но после поражения отечества в войне он, напротив, стал активным защитником демократического духа, оставаясь таковым до конца своих дней. Но, с другой стороны^{**}, сам он всегда признавался в том, что «перелом» в его жизни — это «глупая выдумка» [13, с. 267]. Возможно ли примирить это противоречие? По-видимому, для самого писателя этот переход был не отказом от прежних взглядов, а их развитием. Как он скажет уже в 1949 г. в письме Г. В. Циммерману:

^{*} 1922 год оказался знаковым для Томаса Манна еще и потому, что, наконец, произошло его примирение со старшим братом Генрихом Манном, с которым они еще с 1914 г. из-за разного отношения к демократии и наступившей войне находились в продолжительном конфликте. Генрих стоял на позиции пацифизма и получил от брата прозвище «литератор цивилизации», которая противопоставлялась Томасом Манном культуре, тогда как Томас Манн обвинялся братом в национализме.

^{**} Часто применяемый в данной статье прием противопоставления, на наш взгляд, является внутренне неизбежным при работе с диалогичностью Томаса Манна, для которого писательство всегда было духовно-нравственными хлопотами «о своем раздвоенном “я”» [14, с. 20].

«"Размышления" были очень верной книгой с неверным математическим знаком. Слишком многому я научился за этой работой, чтобы меня заставили "отмежеваться" от нее, то есть от самого себя <...>. Конечно, при последних словах "Размышлений" я стоял уже не там, где стоял при первых словах. Я прошел дальше, как то и подобает духу живому; однако мне свойственно *ничего не выбрасывать из своей жизни* [курсив — А. К.], а вбирать раннее в позднее, благодаря чему раннее всегда может снова стать плодотворным» [13, с. 267–268].

Однако, несмотря на то что Манн всегда считал себя гуманистом и никогда не придерживался откровенно радикальных взглядов — о себе писатель говорил: «я человек равновесия. Я инстинктивно склоняюсь влево, когда лодка дает крен вправо, — и наоборот» [12, с. 147], — тем не менее оценка личности Лютера принципиально отличается в ранний, до 1922 г., и поздний периоды его творчества. Данная статья представляет первую часть исследования и посвящена взглядам Манна на Лютера и Реформацию в первый период. Материалом для изложения этого вопроса послужат сборник статей «Размышления аполитичного», знаменитый роман «Волшебная гора», а также ряд эссе. Однако прежде необходимо коснуться особенностей биографии писателя, в которой обнаруживаются определенные предпосылки для разговора о Лютере.

Томас Манн: корни и самосознание

Томас Манн был немцем, хотя его мать имела, помимо немецких, и бразильские корни. Однако не только это обуславливало его повышенное внимание к Лютеру. Можно выделить по крайней мере три существенных аспекта, усиливших его интерес к феномену Реформации.

Во-первых, родом писатель был с севера Германии, из Любека, главного ганзейского города, с 30х гг. XVI в. являющегося лютеранским. О том, что северогерманское протестантское происхождение связывало Манна с Лютером, свидетельствует в одном из писем он сам:

«...северное начало во мне настолько сильней, что душою я по-настоящему так и не прижился в Мюнхене, куда, еще почти мальчиком, был пересажен вместе с братом и сестрами. Сфера католической народности — не моя сфера. Мой мир — это в общественном отношении патрицианская гражданственность, а в духовном — *индивидуализм протестантской внутренней жизни* (курсив — А. К.)» [13, с. 34].

Чужеродность католического Мюнхена для северного протестанта отобразилась и в автобиографичных Будденброках. Одна из главных героинь романа Тони, уезжая на отдых в Мюнхен, влюбляется в единственного в ее компании протестанта Перманедера [7, с. 363]. А когда она в письме своей матери жалуется на тяжелое впечатление от Баварии, то говорит следующее: «и вдобавок еще католицизм; вы же знаете, что я его ненавижу, слышать о нем не могу!» [7, с. 362].

Однако Любек, как отмечает писатель, имеет противоречивый дух, как, впрочем, и сам Лютер. С одной стороны, это современный протестантский торговый город, но в то же время его атмосфера пронизана средневековым настроением, характерной для него истеричностью и религиозной экзальтиро-

ванностью. Дело в том, что расцвет города, когда он являлся столицей Ганзы, приходился на Высокое Средневековье, дух которого с тех пор вошел в плоть и кровь Любека. В знаменитой статье «Германия и немцы» Манн указывает:

«...подобно тому как Лютер, религиозный реформатор, по образу мысли и мироощущению в значительной степени оставался человеком средневековья и всю жизнь сражался с чертом, так и жизнь протестантского Любека, — и даже того Любека, который впоследствии республиканским элементом вошел в состав империи Бисмарка, — была отмечена печатью глубокого готического средневековья» [10, с. 306–307].

Интересно, что немецкий протестантский богослов и исследователь реформационного движения в Любеке В. Яннош отмечал: «Любек в делах реформации был самым консервативным среди вендских и прусских городов» [16, с. 210]. В целом такое срединное в духовном смысле положение города выражало саму срединность Германии. Это немецкое качество писатель особенно подчеркивал, с одной стороны, указывая на центральность географического положения немецких земель, а с другой стороны, обнаруживая в самом себе тенденцию к примирению противоположностей Запада и Востока.

Второе, на что стоит обратить внимание, это среда бюргерства, которое воспитывалось в духе протестантской этики и среди которого возмател Манн. Долг, деловитость и при этом углубленность индивида — три качества, особенно почитавшиеся в северной Германии. Бюргерство противопоставлялось писателем как эмоциональной, суеверной религиозности католичества, так и буржуазной, прагматичной духовности кальвинизма. В этом обнаруживаются последствия лютеровского толкования «призвания», которое он передавал на немецкий язык словом «Beruf», одновременно означая и призвание, и профессию. Противопоставление бюргера и буржуа, отраженное в работе «Размышления аполитичного», показывает, что бюргер, будучи активным членом общества, тем не менее представляет собой духовного индивидуалиста, художника-романтика.

В-третьих, интерес к Лютеру не мог не пробудиться для писателя в период Первой мировой войны, которую он расценивал в качестве продолжения борьбы Германии за свою сущность. Так, спор Томаса и Генриха Маннов легко обрастает историческим и одновременно метафизическим контекстом и предстает уже как спор Лютера с Эразмом, реформации с гуманизмом. Это противостояние религии и морали будет волновать Томаса Манна на всем его творческом пути.

Лютер как символ протестантской сущности Германии

Как отмечает Кристоф Швебель [18, с. 61], до работы над своим последним произведением Манн был плохо знаком с первоисточниками по Реформации. Он черпал сведения для их оценки из работ Ницше, Эрнста Бертрама, Стефана Цвейга и др. Однако это не столь важно, поскольку Лютер для него, как, впрочем, и для многих историков, ценен прежде всего как символ. Обращаясь к его фигуре и его делу, писатель вырабатывает свое видение немецкой истории и ее сущности.

Косвенно к проблеме Реформации Томас Манн обращается уже в своей ранней и единственной пьесе — «Фьоренца»^{*}. В ней речь идет о классическом для Манна столкновении персонифицированных идей. За судьбу Флоренции борются глава республики Лоренцо Великолепный, представляющий принцип «искусство ради искусства», и реформатор Савонарола, превозносящий чистую нравственность. Как отмечает Г. М. Фридлендер, в этом произведении Манн

«...равно осуждает и внешне импозантный, но внутренне бездушный эстетизм Лоренцо Великолепного, и мрачную страсть к разрушению, владеющую Савонаролой, ибо оба они лишены чувства любви к людям и, несмотря на свой антагонизм, равно презирая их, видят в них лишь пьедестал для утверждения своей власти над ними и для осуществления своих властолюбивых политических помыслов, антигуманных по своему духу» [17, с. 10].

Но, с другой стороны, нельзя не отметить, что принцип Савонаролы в этом произведении имеет преимущество, поскольку, несмотря на свое отрицательное значение, он делает возможным новый синтез чувственности и духа. Об этом говорит сам Манн: он брал Савонаролу

«...как мрачно-завлекательного пророка чистого духа, как тоже художника, но который, будучи “одновременно святым”, делает “нравственность снова возможной” в эпоху, избалованную высокой эстетической культурой и падкую на всякие новые острые ощущения» [13, с. 368].

Эта постоянная диалогичность и противоречивость, столь характерная для Манна, имплицитно направлена к примирению духа и плоти. Одним из важных шагов на этом пути и стала Реформация. По всей видимости, именно так трактовал писатель одно из любопытнейших событий того времени, когда бывший августинианский монах вступил в брак с бывшей монахиней. Таким образом, хотя в «Фьоренце» буквально речи о Лютере нет и не может быть, тем не менее воспроизведенный здесь конфликт чувственности и духа предстает внутренним двигателем европейской истории в целом и немецкой, в частности, поскольку, по словам Манна, Германия как центральная земля носит в себе противоречия Европы, становясь для них «полем духовного сражения» [14, с. 50].

Перейдем же наконец к работе «Размышления аполитичного», которую сам Манн называл чем-то вроде «дневника». Он был написан в годы Первой мировой войны и отразил в себе полемику со старшим братом Генрихом, занявшим пацифистскую позицию. Как пишет Л. Дымерская-Цигельман, «Генрих Манн утверждал неизбежность и желательность поражения вильгельмовской Германии — государства, основанного на насилии, где человек не ставится ни во что» [5, с. 11–12]. Томас же, хотя никогда и не был сторонником победы для отечества любой ценой, пытается разобраться в самом себе и выяснить, откуда в нем желание успеха для Германии в этой войне. Эту книгу, — вспоминал он впоследствии, — «я написал <...> страстно отдаваясь самопознанию и пересмотру всех <...> унаследованных мною традиций — традиций аполитичной

^{*} Второй пьесой как раз должно было стать ненаписанное произведение о Лютере.

немецко-бюргерской духовной культуры» [12, с. 262]. Размышление вскрыло противоречие: с одной стороны, он наследник XIX века, века романтизма, музыки, пессимизма, века немецкой души, отрицания гуманистического «духа» и политики XVIII века. Но, с другой стороны, он житель новой эпохи, XX века. Это столетие мечтает быть похожим на XVIII век, возрождая фантастические грезы о французской революции и желая утвердить интернациональную демократию. А последняя угрожает уникальности немецкой души, по своей природе национальной и аполитичной. Поэтому война — это обнажение противоречия между утопическими идеалами и реальной природой, между демократическим «духом» и жизнью, между социальностью и индивидуальностью.

Таким образом, Манн утверждает, что политический дух, который понимается в эту эпоху исключительно, как руссоистский и демократический, есть по своей сущности дух антинемецкий. Все чуждое ему оценивается как предательство идеалов прогресса и бездуховное эстетство. В Германии этому духу служит так называемый «литератор цивилизации», который клеймит всех консервативных писателей в качестве националистов. Однако, согласно Томасу Манну, консервативная позиция — это вовсе не абстрактное противодействие прогрессу, но только тому прогрессу, который предлагает «немецкий западник», прогрессу «от музыки к политике». И вот этот протест против сведения духа к политике и есть внутренняя сущность Германии. Согласно писателю, это знают и за границей: так, Ф. М. Достоевский, «Дневник писателя» которого Манн часто цитирует в данной работе, характеризовал Германию как страну протестующую [14, с. 39]*.

Одним из главных этапов протеста стало дело Мартина Лютера, который с тех пор и олицетворяет протестную суть немецкого духа. Правда, не Лютер создал протестную Германию, наоборот, Лютер есть только проявление ее сущности, Лютер есть феномен. «Всегдашнее ее протестантство», — цитирует Достоевского Манн, — есть протест против римского мира, начавшийся еще с Арминия в знаменитом Тевтобургском лесу, двухтысячелетний протест «против всего, что было Римом» и против всего, что было унаследовано от Рима последующими народами [Там же]. Пожалуй, сама ключевая мысль выражена в следующем цитировании Достоевского:

«...существеннейшая черта этого великого, гордого и особого народа, с самой первой минуты его появления в историческом мире, состояла в том, что он никогда не хотел соединиться, в призвании своем и в началах своих, с крайне-западным европейским миром, то есть со всеми преемниками древнеримского правления. Он протестовал... хоть и не представил (и никогда не представлял еще) своего слова, своего строго формулированного идеала взамен [разрушенной им] древнеримской идеи, но, кажется ... всегда был убежден внутри себя, что в состоянии представить это новое слово и повести за собою человечество» [14, с. 40–41].

Таким образом, вся история Германии есть выражение ее одиночества, ее несогласия с толкованием духа исключительно политическим способом,

* Первую и ключевую главу «Размышлений аполитичного» Томас Манн излагает с опорой на Достоевского.

несогласия с идеей внешнего единения человечества, с ограниченностью социальной стороны жизни. Поэтому нельзя не согласиться с Александрой Зиновьевой, которая очень точно замечает, что

«...для Манна не существует “сообщества” германских гениев — есть один вневременной гений германского духа, получающий очередное воплощение — в Лютере, Гёте, Ницше, наконец, в самом Томасе Манне» [6, с. 84].

А теперь этот протест обнаружил себя в Первой мировой войне и внутри самой Германии, ставшей ареной для братского европейского раздора.

Этот «Лютер Германии» проявился и в фигуре великого Канта, который восстал против «западного нигилизма», найдя опору в практическом разуме и его категорическом императиве. Дело Канта — это путь от абстрактной метафизики к жизни, к этике. Вновь человек оттаивает опору только на самого себя, на внутреннее, что уже есть чистое протестантство (в католицизме, напротив, необходимо посредничество святых, церковь и культ). И Бисмарк есть «второй Лютер», ведь он потому сплотил Германию, что почувствовал внутреннюю необходимость противостояния западу. Таким образом, по мысли А. Л. Вольского, «не только историческое лютеранство, но романтизм, немецкая философия, психоанализ и музыка стали формами немецкого протеста и выступления за более глубокое и правдивое понимание Бога и человека» [4, с. 397].

Все эти герои, равно как и великие события, значимы, по Манну, именно потому, что они оказываются возможностью для самообнаружения и самопознания народом самого себя. Однако что же открывается в этом «символическом Лютере», в чем состоит сущность немецкого протеста? Противоречие Германии и Запада обусловлено совершенно разным пониманием сущности человека и нации. Если Просвещение толкует о человеке как об индивидуе и социальном существе, обретающем полноту в прогрессе цивилизации, то для немца человек есть прежде всего метафизическое существо, а «истинным носителем всеобщего является не масса, а личность» [14, с. 226]. Немец, по Манну, склонен к глубокой и индивидуальной внутренней жизни и потому противится демократическому уравниванию. Поэтому и нация представляется ему не как социальное образование, но как метафизическая сущность, что отличает ее от толпы. Нация образуется идеей, культурой, а не цивилизацией, то есть не материальными, а значит, и внешними достижениями. Потому если «индивидуалистическая масса демократична», то народ аристократичен.

Именно Реформация позволяет немцу быть устойчивее всех других народов в борьбе за духовную свободу. Чем по сущности была Реформация? С одной стороны, она была демократическим явлением, поскольку освободила мирян от власти церкви, от внешнего посредничества. В этом отношении французская революция может быть рассматриваема как продолжение ее духа. Однако, отмечает Томас Манн, ставя Реформацию в один ряд с Ренессансом и Революцией, часто теряют ее определенность, ведь она была явлением «более немецким» [14, с. 471]. Согласно писателю, «подлинное, глубинное воздействие Лютера <...> было аристократического свойства» [14, с. 255]. Он перенес центр тяжести вовнутрь человека, в его внутреннюю свободу и независимость, отвергнув

политические притязания Мюнцера и его соратников. Поэтому Реформация, наоборот, есть «помеха», «пауза», «рецидив Средневековья».

Она есть необходимое событие, так как сама Французская революция — Манн ссылается на Карлейля — это «мечь отторгнутого двести лет назад и вернувшегося протестантизма» [Там же]. Похоже, что революция без Реформации и не была бы возможна, она попросту была бы не нужна. Именно там, где не было Реформации, там она и появилась. Видимо, отмечает писатель, «опыт Реформации... повышает *иммунитет* к революции» [14, с. 471]. Иными словами, опыт внутренней, то есть метафизической свободы делает не нужным стремление к социальным вопросам. Сам Лютер, хотя и оказал серьезное политическое влияние на немецкую историю, был «донельзя аполитичен и, конечно же, не имел ни политических талантов, ни политических интересов, ни политических намерений и целей» [14, с. 473]. Целью для него было — блаженство его собственной души. Манн в этом месте очень удачно цитирует Ницше, отмечавшего, что «религиозный человек думает только о себе» (там же). Реформация потому должна восприниматься во всем ее противоречивом духе, как событие «революционное или охранительное», «бунтарское или охранительное», «демократическое или аристократическое». Манн призывает литератора цивилизации увидеть в Реформации «проявление немецкой *непокорности*» [14, с. 474] и ее аполитичности, ведь, как говорил Лютер, «Христа политика не заботила» [14, с. 478]. Принцип Германии — это внутреннее изменение, образом которого для Манна является «коленнопреклоненный человек».

Таким образом, Лютер как символ Германии — это протест против политики за духовную свободу. Но отсюда и политическая неподвижность немецкого народа. Политизация жизни находит зло только в социальной сфере, тогда как принцип внутренней свободы связан с необходимостью внутреннего перерождения. Хотя об этом Манн не говорит, но здесь уместно вспомнить идею Канта о необходимости «революции в образе мыслей», которая должна предшествовать «реформации в образе чувств». Просвещение же, напротив, ищет только счастья, которое относительно, а потому и то, «что оно может наступить извне, сомнительно» [14, с. 298]. Главная ошибка — мыслить политику свободной от религии, внешнее от внутреннего. Всякое отвержение религии приводит к переоценке социальной стороны жизни. Личность способна достигнуть умиротворения только через метафизическую религию, «которая в социальном учит видеть в конечном счете второстепенное» [14, с. 237]. Эту религию Манн называет также «просвещенностью», «добротой», «человечностью», «свободой». Нельзя забывать, что *начинается* религиозность только в тот момент, когда *заканчивается* переоценка социальной жизни». [14, с. 299]. При этом, по Томасу Манну, такой немецкий индивидуализм прекрасно способен ужиться с этическим социализмом. То, что на западе мыслится как противоположности, для Германии суть две стороны одного духа.

Еще одна важная черта реформационной сущности Германии — это ее музыкальность. Она настолько фундаментальна, что цель борцов за демократизацию Германии недостижима, «покуда не свергнута национальная власть музыки» [14, с. 293]. Власть музыки в Германии настолько же древняя, как и протестантизм, и находится с ним в неразрывном единстве. Дело в том, что

«...воспитание немцев в духе музыки началось с Мартина Лютера, педагога вызывающе национальной закалки, теософа, религиозного учителя и музыканта в одном лице, настолько, что музыкальность и религиозность в нем практически неразделимы, что в душе его одно замещает другое; так с тех пор все и осталось в немецком естестве» [Там же].

По слову Лютера, музыка есть прекрасный, сердечнейший дар Бога и близка теологии» [Там же].

Отождествление немецкого с лютеровским не могло не отразиться на бытовой жизни Томаса Манна. Об этом свидетельствует следующий интересный факт. В ноябре 1918 г. писатель покупает у известного мюнхенского скульптора Ганса Швегерле бюст Лютера, который с тех пор занял значимое место в его рабочем кабинете. В дневнике этого периода Манн отмечает: «я несказанно рад этому бюсту Лютера. Он прекрасно выглядит, придавая комнате особую ценность» [18, с. 65]. Однако водворение Лютера в творчестве и жизни Манна не смогло помешать тому, что из истории Германии Лютер, напротив, оказался, изгнан. Через неделю после подписания Версальского договора писатель с горестью напишет:

«...победа Англии — Америки закрепляет и завершает ход цивилизации, рационализации, утилизации Запада... Великая немецкая идея от Лютера (самое позднее от Лютера) до Бисмарка и Ницше опровергнута и обесчещена — это факт, который многие из нас приветствуют, который будет установлен многими хорошо продуманными пунктами условий мира и который я хотел предотвратить в своей борьбе против литератора от цивилизации» [13, с. 23].

Раздвоенный Лютер

Тяжелое поражение Германии и переход к Веймарской республике отразился и на творчестве Манна. Неслучайно и то, что постепенно изменилось восприятие им Лютера и Реформации. Прежде всего усиливается двойственность личности реформатора, при этом предпочтение теперь не отдается ни одной из сторон. Это изменение отразилось в знаменитом и «самом немецком» романе Томаса Манна — «Волшебной горе», которую автор начал еще в 1912 г., затем на период войны отложил, а завершил уже в 1924 г. По словам Манна, этот роман представляет собой поиск Грааля, а «Грааль — это идея Человека, первое предчувствие новой, грядущей человечности, прошедшей через горнило глубочайшего познания болезни и смерти» [8, с. 171].

На пути к новой человечности главный герой романа Ганс Касторп встречает целый спектр духовных позиций: это и материализм главного врача Беренса, и возвышенное эпикурейство Пеперкорна, а также мистический консерватизм Нафты и революционный гуманизм Сеттембрини. Главное противоречие возникает между двумя последними, между мистикой и моралью. Если для гуманиста корень проблемы человеческого существования — это противостояние индивидуального и общественного, то для мистика — индивидуального и божественного. По оценкам героев видно то, что Манн в романе противопоставляет уже не демократии, которую олицетворяет итальянский гуманист, но скорее реакции на демократию, он начинает думать над вопросом реакции на реакции.

Если ранее образ демократии носил чисто отрицательные черты, то в этом романе большее непонимание и отторжение вызывает скорее еврейский иезуит Нафта, который к тому же завершает свой земной путь самоубийством, демонстрируя вырождение и нежизнеспособность мистического террора.

Личность Лютера раскрывается автором через оценку Реформации главными антагонистами романа. Сеттембрини видит спасение человечества в технике и морали. Они — главные достижения прогрессивной Европы, родины бунта и критики, противостоящей косному и неподвижному Востоку [9, с. 193]. Реформация оценивается им преимущественно негативно: она, конечно, имеет прогрессивные черты из-за своего демократизма, то есть освобождения индивида от поработителей его совести. Но, с другой стороны, это событие стало закреплением немца в азиатской отрешенности, покое и погруженности в себя:

«Вглядитесь-ка в него, в вашего Лютера! Посмотрите на его портреты — в молодости и в более зрелом возрасте! Какое у него строение черепа, какие скулы, какой странный разрез глаз! Друг мой, это же Азия! <...> Меня бы весьма удивило, если бы тут не оказалось какой-то вендо-славяно-сарматской примеси; и если, при отсутствии стойкого равновесия в вашей стране, эта столь грандиозная фигура — кто же станет отрицать ее грандиозность — легла чрезмерным и опасным грузом на одну чашу весов, то восточная перетянула с такой силой, что западную до сих пор тянет в небо...» [9, с. 244].

То есть для итальянца Лютер есть синоним косности Германии.

Однако и Нафта, который, напротив, видит спасение для Германии в восстановлении иерархичности общества и обращении к средневековому акосмизму, оценивает Лютера неоднозначно. Положительные черты для него коренятся в мистическом духе реформатора, а отрицательное значение в способствовании Реформацией гуманистической индивидуальности. Из речи Нафты читатель узнает, что мистика позднего средневековья

«...была предвестницей Реформации, <...> оказавшейся <...> неразрешимым сплетением свободы и возврата к средневековью... Деяние Лютера... Ну что ж, у него то преимущество, что он с самой грубой очевидностью показал сомнительную сущность этого деяния, деяния вообще» [9, с. 500].

Таким образом, Манн демонстрирует, что противоречия мистики и этики — это не только проблемы предвоенной Германии, но они потому явились на свет в этот период, что заложены уже у самого Лютера, в самом немецком существе. Однако если в «Размышлениях аполитичного» он однозначно подчеркивал положительность мистичности реформатора, то теперь он, напротив, видит в ней проблематичность и больше присматривается к демократической стороне.

Выход, к которому приходит главный герой романа — это познание неизбежной двойственности человека, познании, что «человек — хозяин противоречий, через него они существуют, а значит, он благороднее их» [9, с. 616]. А поскольку человек выше противоречий, то, признавая их наличие, «во имя любви и добра человек не должен позволять смерти господствовать над его мыслями» [9, с. 617]. Это примирение гуманизма и мистицизма, на которое

с необходимостью натывается главный герой, заложено имплицитно в Лютере, но не осуществлено в нем. Эксплицитно Лютер находится в противоречии, отчего и возник его знаменитый спор с Эразмом. Все это толкает Манна к предпочтению новой фигуры в качестве образцовой для себя и для Германии в целом. Как отмечает С. Аверинцев,

«...с этого времени противопоставление “жизни”, “духу” и т. п. понимается <...> не как альтернатива для выбора, но как противоположности в их единстве, способном к равновесию. Это равновесие как условие победы гуманного начала и в творчестве, и в жизни — идеал олицетворение которого он видит в Гёте <...> как гуманисте, воплотившем в себе единство духовного и практического начал» [1, с. 289].

В 1922 г. выходит работа «Гёте и Толстой». В ней Манн оценивает Гете как высший синтез и снятие противоположностей Эразма и Лютера: «...он объединяет в себе природу и культуру». Он не Лютер, так как, будучи на его месте, «...он стал бы сторонником Рима и врагом реформации или в крайнем случае занял бы такую же двусмысленную и неустойчивую позицию, как Эразм, о котором Лютер сказал, что ему покой дороже креста» [11, с. 566–567].

Тем не менее «у Гёте, право же, гораздо больше общего с Лютером, чем с гуманистом Эразмом» [Там же]. Гёте также характерен «вкус к власти, к борьбе», он «испытывает уныние при мысли, что нужно хорошо относиться ко всем» и «чувствует потребность в гневе». Это вовсе не христианский дух, а дух «германско-аристократического язычества», присущий Лютеру и Бисмарку. Таким образом, можно сказать, что Гёте есть более развитое выражение немецкости как срединности, чем Лютер. А Лютер, который наделяет дух Гёте народностью и глубиной, представляет собой менее совершенную форму срединности немца, более стихийную ввиду непреодоленного в нем Средневековья. Безусловно, что подобное отношение к Лютеру вступает в конфликт с оценкой Лютера в «Размышлениях аполитичного», однако представленная в этот период идея немецкости как примирения духа и природы, отражена уже в аполитичный период Манна. Ведь именно так звучит

«...старая песня Тонио Крегера: “Я стою меж двух миров, ни в одном, не чувствуя себя дома, и потому мне приходится туговато”. Но, может, именно это и значит быть *немцем*? Разве немецкое естество не середина, среднее, посредничающее, разве немец не средний человек с размахом? И если быть бюргером — это уже по-немецки, то, кто знает, может, еще более по-немецки — быть чем-то средним между бюргером и художником, патриотом и европейцем, протестником и западником, консерватором и нигилистом» [14, с. 100].

Заключение

В ранний период творчества Томас Манн использует личность Лютера как символ немецкого протеста против западной демократии, играя на противопоставлениях личности индивиду, нации толпе, космополитичной национальности интернациональности, культуры цивилизации, аполитичности политике, религии социальности. Крах немецкого самовосприятия, последовавший за по-

ражением Германии, заставляет писателя сделать акцент на том, что Лютер-немец сам носит в себе эти противоречия и потому неверно действовать путем абстрактного отрицания, необходимо их примирить. Так Лютер становится образом неуравновешенной Германии, которая борется с гуманистическим Эразмом, но стремится к Гёте, в котором может по-настоящему обрести гармоническое единство. Начало 20х гг. — это переходное время в оценке Лютера, когда Манн подчеркивает его демократические черты и в целом оценивает его роль положительно, тогда как в последующие годы для писателя будет характерно выведение из лютеровского духа демонической сущности Германии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверинцев С. С.* Манн // Манн Т. Собр. соч. София-Логос. Словарь. Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2006. С. 287–291.
2. *Ант С. К.* Письма Томаса Манна // Томас Манн. Письма. М.: Наука, 1975. С. 375–395.
3. *Ант С. К.* Томас Манн. М.: Молодая Гвардия. 1972. 352 с.
4. *Вольский А. Л.* Многоликая идентичность: Размышления на тему немецкого национального мифа // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. Т. 19. С. 385–400.
5. *Дымерская-Цигельман Л.* Томас Манн: Уроки гуманизма // Томас Манн. О немцах и евреях. Статьи, речи, письма, дневники. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1990. С. 9–73.
6. *Зиновьева А. Ю.* Гёте и демократия. Т. Манн // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3. Филология. 2009. № 1(15). С. 83–103.
7. *Манн Т.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. Будденброки. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. 808 с.
8. *Манн Т.* Введение к «Волшебной горе». Доклад для студентов Принстонского университета (перевод Ю. Афонькина) // Манн Т. Собр. соч.: в 10 т. Т. 9. 1960. С. 153–171.
9. *Манн Т.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 4. Волшебная гора. Главы 6–7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. 543 с.
10. *Манн Т.* Германия и немцы // Манн Т. Собр. соч.: в 10 т. Т. 10. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. С. 303–326.
11. *Манн Т.* Гёте и Толстой. Фрагменты к проблеме гуманизма // Манн Т. Собр. соч.: в 10 т. Т. 9. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. С. 487–606.
12. *Манн Т.* О немцах и евреях. Статьи, речи, письма, дневники. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1990. 500 с.
13. *Манн Т.* Письма. М.: Наука, 1975. 464 с.
14. *Манн Т.* Размышления аполитичного. М.: АСТ, 2015. 544 с.
15. *Манн Т.* Трое мощных // Томас Манн. Аристократия духа. Сборник очерков, статей и эссе / Пер. с немецкого С. Апта, В. Бакусева и др. М.: Культурная революция, 2009. С. 332–340.
16. *Никулина Т. С.* Совет и бюргерство ганзейского города в Реформации (по материалам Любека) // Средние века. № 63. 2002. С. 210–217.
17. *Фридендер Г. М.* «Доктор Фаустус» Т. Манна и «Бесы» Достоевского // Достоевский: материалы и исследования. 1997. Т. 14. С. 3–16.
18. *Schwöbel Christoph.* Der “Tiefsinn des Herzens” und das “Pathos der Distanz”. Thomas Mann, Luther und die deutsche Identität, in: Thomas Mann Jahrbuch, 1999, no. 12 (1999), pp. 59–75.

19. Wysling Hans. “Thomas Manns Plan zu einem Schauspiel ‘Luthers Hochzeit’: Eine Dokumentation und einige Vermutungen”. In: Hefte Der Deutschen Thomas-Mann-Gesellschaft, Sitz Lübeck, 1983, pp. 3–23.

REFERENCES

1. Averintsev, S. S. Mann. In: Mann T. *Sobranie sochinenii*. Sofiia-Logos. Slovar' [Collected works. Sophia-Logos]. Kiev, Dukh i litera, 2006, pp. 287–291. (In Russian).
2. Apt, S. K. Pis'ma Thomasa Manna [Letters of Thomas Mann]. In: Thomas Mann. *Pis'ma*. Moskow, Nauka, 1975, pp. 375–395. (In Russian).
3. Apt, S. K. (1972). *Thomas Mann*. Moskow, Molodaia Gvardiia, 352 s. (In Russian).
4. Volskiy, A. L. Mnogolikaya identichnost': razmyshleniya na temu nemetskogo natsional'nogo mifa [Diverse Identity: The Motives of the German National Myth]. In: *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov*, 2022, no. 19, pp. 385–400. (In Russian).
5. Dymerskaia-Tsigel'man, L. Thomas Mann: Uroki gumanizma [Thomas Mann: Lessons of humanism]. In: *Thomas Mann. O nemtsakh i evreiakh. Stat'i, rechi, pis'ma, dnevniki*. Ierusalim, Biblioteka-Aliia, 1990, pp. 9–73. (In Russian).
6. Zinov'eva, A. Iu. Goethe i demokratiia. T. Mann [Goethe and democracy]. In: *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*,. seriya 3: Filologiya, 2009, no. 1(15), pp. 83–103. (In Russian).
7. Mann, T. Buddenbroki. In: Mann, T. *Sobranie sochinenii v 10 t. T. 1*. [Collected works in 10 volumes. Vol. 1. Buddenbrooks]. Moskow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1959, 808 s. (In Russian).
8. Mann, T. Vvedenie k “Volshebnoi gore”. Doklad dlia studentov Prinostonskogo universiteta [Introduction to “The Magic Mountain”, held at Princeton University]. In: Mann, T. *Sobranie sochinenii v 10 t. T. 9*. Moskow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1960, pp. 153–171. (In Russian).
9. Mann, T. Volshebnaia gora. Glavy 6–7. In: Mann, T. *Sobranie sochinenii v 10 t. T. 4*. [Collected works in 10 volumes. Vol. 4. The magic Mountain. Chapters 6–7]. Moskow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1959, 543 s. (In Russian).
10. Mann, T. Germaniia i nemtsy [Germany and the Germans]. In: Mann, T. *Sobranie sochinenii v 10 t. T. 10*. Moskow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1961, pp. 303–326. (In Russian).
11. Mann, T. Goethe i Tolstoy. Fragmenty k probleme gumanizma [Goethe and Tolsoy. Fragments on the problem of humanism]. In: Mann, T. *Sobranie sochinenii v 10 t. T. 9*, 1960, pp. 487–606. (In Russian).
12. Mann, T. *O nemtsakh i evreiakh. Stat'i, rechi, pis'ma, dnevniki* [On Germans and Jews. Articles, speeches, letters, diaries]. Ierusalim, Biblioteka-Aliia, 1990, 500 s. (In Russian).
13. Mann, T. *Pis'ma* [Thomas Mann. Letters]. Moskow, Nauka, 1975, pp. 375–395. (In Russian).
14. Mann, T. *Razmyshleniia apolitichnogo* [Reflections of a Nonpolitical Man]. Mocsow, AST, 2015, 544 s. (In Russian).
15. Mann, T. Troe moshchnykh [Three powerful]. In: Thomas Mann. *Aristokratiia dukha. Sbornik ocherkov, statei i esse*. Moskow, Kul'turnaia revoliutsiia, 2009, pp. 332–340. (In Russian).
16. Nikulina, T. S. Sovet i biurgerstvo ganzeiskogo goroda v Reformatsii (po materialam Liubeka) [The Council and burghers of the Hanseatic City in the Reformation (based on the materials of Lubeck)]. In: *Srednie veka*, no. 63, 2002, pp. 210–217. (In Russian).

17. Fridlender, G. M. "Doktor Faustus" T. Manna i "Besy" Dostoevskogo [Thomas Mann's "Doctor Faustus" and Dostoevsky's "Demons"]. In: *Dostoevskii: materialy i issledovaniia*, 1997, vol. 14, pp. 3–16. (In Russian).

18. Schwöbel, Christoph. Der "Tiefsinn des Herzens" und das "Pathos der Distanz". Thomas Mann, Luther und die deutsche Identität. In: *Thomas Mann Jahrbuch*, 1999, vol. 12, pp. 59–75.

19. Wysling, Hans. "Thomas Manns Plan zu einem Schauspiel 'Luthers Hochzeit': Eine Dokumentation und einige Vermutungen". In: *Hefte Der Deutschen Thomas-Mann-Gesellschaft*, Sitz Lübeck, 1984, vol. 4, pp. 3–23.